

УДК 343.9.018

КРИМИНОЛОГИЯ: ТАМ ЛИ МЫ ИЩЕМ ПРИЧИНЫ АСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ?

Б.Г. Розовский,

заведующий кафедрой правоведения Восточно-украинского национального университета имени В. Даля, д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист Украины (Северодонецк, Украина).

С.Р. Тагиев, *судья в отставке, профессор Академии Государственной пенитенциарной службы Украины, д.ю.н., Заслуженный юрист Украины (Чернигов, Украина)*

*Природа и общество диктуют условия жизни,
а знания определяют нашу способность справляться с этими условиями.
Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда
(А.П. Чехов. Письмо к ученому соседу).*

Знаменитое «Как лодку назовешь...» наложило, вероятно, свою тень на криминологию, название которой происходит от разноязычья – латинского "krimen" (преступление) и греческого "επιστήμη" (наука). Развиваясь в разных направлениях (антропологическом, социологическом, биологическом, психологическом), криминология сегодня не представляет собой единого учения и включает ряд подходов и школ, имеющих научные центры в разных странах (Д.А. Шестаков). В итоге, в познании асоциального поведения, определенная часть которого квалифицируется как преступление, современная криминология ограничена даже не видимой частью айсберга, а лишь его поверхностью. «Мировой и отечественной криминологией, – пишет Я.И. Гишинский, – накоплен огромный теоретический и эмпирический материал, характеризующий преступность, отдельные ее виды, преступление, преступника, жертву преступления, а также социальную реакцию на преступность. Между тем, чем больше мы узнаем о преступности, тем меньше ее понимаем... Распространенным является мнение о «кризисе криминологии», о значительной мифологизации темы преступности и контроля над ней» [1].

Все это имеет место в действительности. Однако основной недостаток можно сформулировать, если воспользоваться (с понятной оговоркой) постулатом французского поэта, эссеиста и философа Поля Валери: «Наука представляет собой сборище оправдавших себя рецептов»¹. В таком ракурсе

¹ Данную характеристику неоднократно использует в своих работах Д. Карнеги.

криминологам, при всем желании, похвастаться, к великому сожалению, сегодня почти нечем.

Неловко бросать камень в тех, кто изучению причин преступности посвятил всю научную жизнь и внес весомый вклад в криминологию. Относимся к ним с искренним уважением. Но, оценивая результаты, нельзя не вспомнить давнюю, отвлеченную на первый взгляд, историю.

Математик Абрахам Вальд изучал расположение пробоин, полученных американскими бомбардировщиками во время выполнения боевых заданий во Второй мировой войны. Чаще всего вражеским огнем были поражены крылья, стабилизаторы и фюзеляж, меньше всего пробоин приходилось на кабину пилота, двигатели и топливную систему. Казалось бы, укреплять нужно именно те места, которые получили больше всего повреждений, однако Вальд решил иначе. Он грамотно предположил – сам факт того, что самолет смог вернуться с такими повреждениями на базу, говорит о том, что они не являются критическими, и укреплять нужно как раз те части корпуса, которые остались целыми. Этот вывод подтвердился после окончания войны, когда из лесов и болот стали поднимать подбитые самолеты. Оказалось, что у них были повреждены именно те места, о которых говорил Вальд – двигатели, топливная система и кабина пилота. С такими повреждениями самолет лететь не мог – либо погибал пилот, либо вытекало всё топливо, либо клинило двигатель, однако обо всем этом не знали и не могли знать на базе, поскольку самолет до нее просто не долетал. В итоге всю статистическую информацию о повреждениях инженеры собирали с вернувшихся самолетов, а информации об утерянных машинах не было¹.

Аналогичная ситуация в криминологии. Специалисты без конца подтверждают обширными таблицами влияние материального благополучия населения, занятости, безработицы и пр. на динамику преступности. Но это то, что уже лежит на поверхности, информация с «вернувшихся самолетов», «не долетевшие» игнорируются. Придерживаясь формулы А. Лакассаня: «Каждое общество имеет тех преступников, которых оно заслуживает», осмелимся заявить: *сегодня преступность – во многом искусственное образование. Главная причина формируемой преступности коренится в порочности идеологии современного действующего права, которое, будучи на практике отождествлено с законодательством, построено на логически противоречивой базисной платформе. Ныне право – это узурпированное властью повсеместное ограничение возможности граждан строить свое*

¹ Источник: <http://minskblog.livejournal.com/65350.html>

бытие и отношения друг с другом, исходя из удобных и выгодным им в конкретный период времени условий¹.

В современной теории права утвердился главенствующий, основополагающий постулат: человек свободен распоряжаться собой и своей собственностью, пока не нарушает свободы других людей. Насколько мы знаем, он еще никем не оспаривается, всесторонне обоснован философами. Но это в абстрактной теории. Реально данный постулат в правотворчестве и правоприменении разделен на две непропорциональные сферы: усилия большей части ученых и законодателя сосредоточены на традиционно идеализируемой и абсолютизируемой безграничной охране прав и свобод граждан от каких-либо посягательств при почти полном забвении не менее важной, а в нашем понимании главной на современном этапе задачи – обеспечении условий для беспрепятственной реализации человеком имеющихся и потенциально возможных прав и свобод. В итоге стыдно, но неизбежно надо осознать: мы имеем перекошенное право и столь же перекошенное, искаженное правом общество.

Не будет преувеличением придание в юридической науке понятию права синонима «запрет». На протяжении тысячелетий мы пользуемся колоссальным, многоуровневым и широко разветвленным собранием разного рода запретов, пропитанных языческим духом табу и чуть ли не шаманских ритуалов, руководствуемся правом, сконструированном как бы в перевернутом виде, где в основе лежит не дозволение, стимулирующее поиск новаций, прогрессивных преобразований на пути цивилизованной эволюции человека и общества, а безоговорочный запрет, позволяющий оградить диктующего от возможных притязаний конкурента. Даже само дозволение является своеобразной формой запрета, ибо разрешает действовать только в четко ограниченных пределах². Вместо правового государства мы живем в государстве вечно правом.

Сегодня человек в нашем праве отсутствует, есть раб, говоря современным языком – автомат, деятельность которого нормативно запрограммирована и зарегулирована на все случаи жизни. Характеристикой действующего права вполне могла быть прославленная в Интернете реклама одного

¹ Миропонимание наших правоведов и законодателей базируется, видимо, на былой реплике известного сатирика М. Мишина: «Какая территория! Сколько возможностей! Наивно. По нашей географии так: чем больше территория, тем больше возможностей для неприятностей» [2].

² Сатирики злословят: «Десять библейских заповедей состоят из 279 слов, американская Декларация о независимости — из 300 слов, а Положение ЕС об импорте карамелек — из 25 911 слов».

магазина: «У нас есть все. Если чего-то нет, значит, оно вам не нужно». Иммунитетом пользуются рабовладельцы, но отнюдь не рядовые граждане. Показательно, что в теории права под правоприменением принято понимать «властно-организующую деятельность компетентных органов и лиц, обеспечивающих в конкретных жизненных случаях претворение юридических норм в жизнь» [3], но не контроль соответствия правовых норм требованиям жизни. Для обеспечения соблюдения запретов создан столь же внушительный административно-полицейский монумент.

Такая политика является следствием неверия в возможности рядового человека самостоятельно решать масштабные жизненные задачи. Отсюда известное: «Фюрер думает за нас». Отсюда постыдная прямая и скрытая цензура информационных каналов, литературы, произведений искусства и прочего: не в состоянии разумный человек оценить, что полезное или вредное ему навязывается. Однако на деле за этими вывертами стоят корыстные интересы определенных каст, использующие для их защиты механизм государственного насилия. Потому права и свободы сидят в «клетке» закона.

Соответственно большинство криминологов, независимо от направления научных интересов авторов, фактически определяют преступление как самовольную попытку человека выйти из этой клетки. В качестве примера можно привести определения понятия «преступление», сформулированные Ф. Шмаллегером: «Юридическое (легалистское) понятие – «преступление есть нарушение закона»; политическое – «преступления суть акты, воспринимаемые властью как прямая или косвенная угроза ее интересам»; социологическое – «преступление есть такой антисоциальный акт, который естественно вызывает репрессию или предполагает необходимость защиты существующей социальной системы», психологическое – «преступление есть форма социального неумения приспособиться к окружающей среде, которое может быть определено как более или менее резко выраженные затруднения, которые индивид испытывает при реагировании на влияние/стимулы своего окружения» [4].

Не получили должного исследования механизмы социализации имеющих у человека животных инстинктов. П.Д Долгоруков, предок основателя Москвы Юрия Долгорукова, незадолго до смерти рассказывал В.В. Шульгину, с которым отбывал наказание: «Уверяю Вас, что Герцен (или Бакунин) был прав, когда говорил: «У русских бугор собственности не вытанцовался». Вот этому предку ставят памятник. За 800 лет, казалось бы, у Долгоруковых должна была бы пропасть охота красть, как Вы думаете?

– Срок достаточный!

– Так вот нет! Мне было лет десять, когда мы с матерью жили в Чехии. Почти каждый день мы ездили в экипаже в ближайший городок. Как все мальчишки, я любил влезать на козлы к кучеру, и мы с ним стали друзьями. Дорога, как все дороги в Чехии, была обсажена фруктовыми деревьями. Козлы высокие, вишни, сливы, потом яблоки были так близко, что я свободно мог бы их рвать. И уверяю Вас, что я только потому их не крал, что мне стыдно было перед кучером. Подумайте! Ведь у нас за столом ежедневно были лучшие фрукты; не от фруктового голода я на них зарился, совсем нет; тут было какое-то атавистическое желание украсть, свойственное всем нам, у которых «бугор собственности не вытанцовался», в отличие от чехов. Поэтому-то и возможно было у них обсаживать дороги, никто не тронет» [5].

Еще одно направление проявлений животного прошлого – агрессия, поразившая значительную часть населения. Зампредседателя Госдумы по образованию и науке Б. Чернышов предложил Кабмину создать в РФ министерство психологического климата. Депутат считает, что в стране «зашкаливает градус жестокости», люди издеваются над стариками и инвалидами, возрастает количество драк и потасовок на дорогах и парковках, а бывшие супруги продолжают выяснять имущественные вопросы. Депутат отметил, что поведение взрослых перенимают дети, а агрессия становится нормой среди россиян. По его мнению, сотрудники министерства психологического климата могли бы заняться разработкой программ помощи для разных категорий россиян. Кроме этого, он предложил бы им заняться изучением причин агрессии в социуме. Российским учителям рекомендовали выявлять детей, склонных к агрессивному поведению, и направлять их активность в «социально полезное русло». Кроме того, педагогам предлагают помочь подросткам самореализоваться и определиться с будущей профессией.

В нашем представлении наиболее адекватное понятие преступления дано А.И. Долговой: «Преступность – это социальное явление, заключающееся в решении частью населения своих проблем с виновным нарушением уголовного запрета» [6]. Если исключить экстремальные случаи, в значительной части это ситуация, когда человек вынужден нарушить запрет для удовлетворения вполне естественных социальных потребностей. К великому сожалению, в теории права и криминологии этот аспект находится в тени.

Необходимость в принудительном обеспечении права – показатель несовершенства общества. Данный показатель, опять-таки, к сожалению, велик. Но реальная жизнь человека и человечества в целом состоит не из запретов, а из неисчислимых возможностей. Право и толкуется в обыденном

сознании как свобода, разрешение иметь что-то, поступать желаемым образом. В 60-е годы, когда во Франции шли бунты, там договорились до того, что «свобода – это запретить запрещать». Можно все. Сейчас к этому относятся с иронией, но рациональное зерно есть. Стоит ли все безоговорочно запрещать, если в реальной действительности редко какое правило не требует выявления в процессе его применения разного рода исключений.

Негатив возводится в степень, если учесть наше идолопоклонническое отношение к известному постулату: *Dura lex, sed lex!* Мы переводим его «Плох закон, но закон!», а следовало бы в дословном звучании: закон дура и мы дураки ее обожествляем. Даже добротный закон, как правило, принимается, исходя из условий и обстановки, имеющих на день вступления его в силу. Но жизнь, особенно в наш насыщенный событиями век, становится все более скоротечной. То, что было движущей силой вчера, сегодня нередко превращается в тормоз, наступает конфликт между нормой и реалиями жизни. Однако психология неизменно срабатывает: если даже плохой закон есть закон, нужно ли стремиться к его улучшению? «Сполняй» – и никаких забот. Кто подсчитал, насколько, например, повысятся экономические результаты хозяйствования, если средства будут расходоваться не на взятки, а на требуемую, но запрещенную реконструкцию производства или иную деятельность, позволяющую увеличить прибыльность? Неужели за тысячелетия не поумнели, не достигли уровня сознания настоящей личности, способной оценить что хорошо, а что плохо в её социальном обустройстве?

Безусловно, созрели. Но решение находим в повседневном нарушении действующего законодательства. Криминологи многократно подтверждают, что почти каждый гражданин в этом грешен. Авторы также готовы покаяться – нарушали, и не единожды. Тем не менее, наивно полагать, что законодатель не видит происходящее. Многие, не побоимся характеристики, глупости (например, бывшее введение уголовной ответственности за сбор колосков после уборки урожая), которые случаются, осознает и исправляет. В итоге *мы все экс-преступники: научный прогресс – череда отказа от квалификации как преступления новаторских решений, запрещенных законодательством.*

Нельзя не отметить, что во имя защиты агравированных прав и свобод граждан государство нередко создает нелепые запреты для самого себя и потом ищет пути их обхода. Наиболее наглядно это в регламентации правоохранительной деятельности, где, в частности, создана целая паутина ограничений при сборе доказательств о совершенном преступлении. Так, подозреваемый и обвиняемый вправе не давать изобличающие показания, не мо-

жет служить доказательством информация, полученная при обыске, произведенном без соответствующей санкции и др. Практика с трудом, но идет по пути преодоления подобных запретов. Так, «Агенты ФБР в ходе следственных действий конфисковали у гражданина Америки 2 компьютера и 5 внешних дисков, но не смогли получить доступ к содержащимся на них данным, поскольку те были зашифрованы с помощью соответствующей программы. Во время рассмотрения дела присяжные постановили, что подсудимый должен предоставить данные в расшифрованном виде. Подсудимый ответил отказом, сославшись на 5-ю поправку к Конституции США, которая отмечает, что лицо, обвиняемое в совершении преступления, нельзя принуждать свидетельствовать против себя. В ответ суд вынес решение об аресте подсудимого с формулировкой «за неуважение к суду» [7].

Еще один пример. «Использование в уголовном процессе доказательств, полученных незаконным способом, которые стали основанием для ареста подозреваемого, не влияет на справедливость судебного разбирательства в целом, что гарантируется статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. К такому выводу пришел Европейский суд по правам человека, рассматривая дело «Светина против Словении».

Матьяж Светина был арестован полицией и обвинен в убийстве при отягчающих обстоятельствах на основании информации о входящих и исходящих звонках и текстовых сообщениях на телефоне жертвы. Данные перехвата телекоммуникаций стали также основанием для проведения других следственных действий, в частности, обысков дома и автомобиля подозреваемого и судебных экспертиз, в ходе которых были получены доказательства причастности господина Светина к убийству. На основании этих доказательств он был осужден к лишению свободы.

В процессе обжалования приговора обвиняемый заявил о недопустимости и необходимости исключения из дела данных о перехвате телекоммуникаций, поскольку они были получены полицией в нарушение национального законодательства без судебного разрешения. На это суд объяснил, что расследование началось после проверки данных телефона жертвы, что не нарушало прав господина Светина. А вот проверка телефона обвиняемого, хотя и была нарушением конституции страны, вместе с тем, не имела доказательной силы, поскольку на тот момент полиция уже получила необходимую информацию по телефону жертвы. Кроме того, суд отметил, что данные перехвата не были включены в материалы дела и не использовались судом.

ЕСПЧ, куда осужденный обратился с жалобой, отметил, что данные, полученные незаконным образом с мобильного телефона заявителя, хотя и

возможно сыграли определенную роль на начальном этапе разбирательства, привел к аресту заявителя, вместе с тем они не использовались как доказательства в ходе судебного разбирательства. А осуждение заявителя основывалось на других доказательствах, не связанных с незаконно полученными данными, такими как собственное признание обвиняемого, результаты воспроизведения события, биологические следы и другие вещественные доказательства, показания свидетелей.

В этих обстоятельствах ЕСПЧ пришел к выводу, что разбирательство по делу заявителя, рассматриваемое в целом, включая способ получения доказательств, не противоречит требованию справедливого судебного разбирательства. Соответственно, нарушения статьи 6 Конвенции не было. Что касается возможного нарушения права заявителя на уважение его частной жизни, жалобу в этой части Европейской суд признал неприемлемой из-за исчерпания заявителем национальных средств правовой защиты» [8].

Представляется, что вынужденное «вливание» высокого суда не делает ему чести. Удаление нерациональных запретов из уголовного процесса повысит эффективность правоохранительной деятельности, что позитивно скажется на криминогенной ситуации в обществе.

Однако у законодателя есть и свои пути. Известный публицист В. Коротич пишет: «Борьба с пьянством у нас всякий раз заканчивалась позорным поражением моралистов. Имею в виду не только памятную многим попытку Горбачева – Лигачева. Император Николай I, например, тоже пытался создать безнадежное, как в горбачевские времена, Общество трезвости. Настоящая причина неудач в том, что как бы у нас государственная власть ни забалтывалась, она всегда спохватывается и начинает сдерживать опасные для себя идеи. Когда в середине позапрошлого века трезвость одержала мелкие временные победы, спрос на водку сократился и даже были описаны случаи (в Воронеже, например) отказа от дармовой выпивки, обрадованный Святейший синод своим указом благословил «священнослужителей ревностно содействовать в некоторых городах и сельских сословиях благой решимости воздерживаться от вина». Тут-то власти не выдержали: доход от алкогольной торговли в иные годы составлял до половины всех поступлений в бюджет, и разоряться правительство не желало. Синоду сделали административный «втык», производство водки увеличили, а вместо церковного указа издали правительственный, гласивший: «Прежние приговоры городских и сельских обществ об удержании от вина уничтожить и впредь городских собраний и сельских сходов для этой цели не допускать». Общества трезвости были запрещены наравне с кружками социалистов. Госбюджет – дело нешуточное» [9].

Пора признать: «Фраза «На ошибках учатся» — ерунда. На ошибках можно только научиться и дальше ошибаться» (Альгирдас Каралюс). Любой закон, разумно или нет, обусловлен. Но он должен рассматриваться не как ультиматум, а лишь как один из выходов из критического положения. Если за исходный взять постулат: жизнь, ее прогресс и эволюция, повсеместное творчество – это последовательное преодоление большинства установленных запретов, то в основе права должен быть компромисс. Радикальное предупреждение преступности и снижение ее уровня может быть достигнуто только путем снижения числа безусловных запретов, устранения возможных, как и разрешения свершившихся, конфликтов путем добровольного согласования интересов участвующих сторон¹.

Второе направление снижения уровня формируемой преступности – упорядочение регламентации деятельности субъектов права позитивными его отраслями. Н.С. Таганцев писал: «Преступление это деяние, посягающее на такой охраненный нормою интерес жизни, который в данной стране, в данное время признается столь существенным, что государство ввиду недостаточности других мер охраны угрожает посягавшему на него наказанием» [10] Ступенчатость мер наказания по сути – основа права. Но почему усилия криминологов сконцентрированы на последней ступени? Далеко не в единичных случаях человека привлекают к уголовной ответственности из-за того, что он не смог решить свою проблему в рамках позитивной отрасли права, Пробелов, противоречий в них более чем достаточно. Вполне очевидно, что рамки истоков криминологии не должны быть ограничены правом уголовным. Причины преступности требуется исследовать, анализируя результативность регулирования всех отраслей права.

Полагаем, сказанное – азбучные истины. Проблема в том, что научная общественность, как и представители властных структур, явно недостаточно прикладывают усилия для поиска приемлемых решений. Не затрагивая все аспекты, поделимся одним предложением на примере борьбы с экономическими и экологическими преступлениями.

Ныне в Украине, согласно постановлению Национального банка Украины №42, банки будут требовать документальное подтверждение источников происхождения средств при проведении любых операций. В РФ

¹ Отклоняющееся поведение, отдельные формы которого на протяжении истории квалифицировались как преступление, судя по намечающейся тенденции, скоро будет признано формой естественной биологической потребности человека, проявлением его стремления к самоутверждению и индивидуализации в обществе. Отклонение от нормы является условием достижения абсолютного количества открытий и изобретений. Если проследить историю, не единичные преступные по тем временам деяния становились прообразом идеологии, социального и экономического устройства наступающего нового общества.

банки будут предотвращать рискованные операции. Меры, безусловно, прогрессивные, вводятся с явным запозданием. Но вспомним заявление Генри Форда: «Я готов отчитаться за каждый доллар, но не спрашивайте меня, как я заработал первый миллион. Ему вторил Джон Рокфеллер: «Я могу отчитаться за каждый заработанный мною миллион, кроме первого». Не приведут ли создаваемые «полицейские банки» к утрате возможности появления отечественных Фордов и Рокфеллеров? Видимо, необходима некая золотая середина.

Сейчас поднят на щит лозунг: «Бизнес должен работать, а не сидеть в тюрьме». Как реакция, в науке уголовного права предметом обсуждения стал вопрос об «откупе» виновного – замене ему по ряду экономических, хозяйственных и других преступлений меры наказания в виде лишения свободы штрафом в кратном исчислении к сумме причиненных убытков. Предложение получило неединичную поддержку. Однако где логика? Даже запрет на убийство допускает исключение при необходимой обороне, почему в экономике запрет непоколебим? Большинство запретов в хозяйственном, экологическом праве и других имеют – должны иметь – экономическую основу: их нарушение влечет наступление прогнозируемых потерь. Без этого сам запрет, его введение лишено логического и любого другого смысла. Но коль эти потери допустимо рассчитать и без ущерба компенсировать «откупом», зачем нарушителя подвергать клеймению, для чего подвергать штрафу в кратном исчислении?

Опять-таки, в уголовном процессе допускается прекращение производства за примирением сторон, почему в других отраслях при наличии правонарушения штраф неминуем, даже в случае компенсации причиненного ущерба? Не разумнее ли криминологам выйти за рамки уголовного права и регламентировать, например, в Хозяйственном кодексе Украины (и соответствующем законодательстве других государств) общий постулат: по согласованию сторон, в необходимых случаях с санкции государства, введенные запреты могут быть полностью или частично отменены при условии полной компенсации потенциальных потерь? Нет ущерба – нет преступления, нет необходимости в наказании. Принцип: «Купите изменение в законе» в прямом и переносном смысле должен быть основополагающим в правоприменительной практике, как условие обеспечения справедливости права и законодательства. Образно говоря, в процессе реформирования закон целесообразно разделить на лоты и выставить на «биржу» – «покупатели» дадут оптимальную оценку каждому варианту проекта. Экономически и социально обоснованное реформирование приведет к декриминализации многих деяний со всеми вытекающими оптимальными последствиями.

Почему предприятиям-природозагрязнителям вместо безликих, неизвестно на что расходуемых платежей – сборов – налогов не предоставить возможность на условиях взаимной выгоды «покупать» право выбора способов компенсации ущерба тем, кому он действительно причиняется? При этом мы сможем получить объективную, а не «научно-гипотетическую» картину действительного влияния отходов производства на окружающую среду в конкретных регионах и экономику в целом². Например, предприятие-загрязнитель и аграрий могут и должны с привлечением квалифицированных специалистов исследовать, какие выбросы и в какой мере влияют на урожайность сельхозкультур, продуктивность скота и прочее в конкретном хозяйстве. В зависимости от результатов может быть найден вариант сохранения и даже повышения его рентабельности при том же объеме выбросов промышленных загрязняющих веществ. Это – изменение структуры посевов, замена семян и удобрений, искусственное орошение и многое другое, для чего загрязнитель, при необходимости, на взаимовыгодной основе окажет техническую и экономическую помощь (подробнее см. 11).

На Западе получило распространение как относительно самостоятельное течение в криминологии аболиционизм. Его последователи выступают против современной пенитенциарной (тюремной) системы, за альтернативные уголовной юстиции меры социального контроля. Фирменный значок аболиционистов – перечеркнутая тюремная решетка, по образцу дорожного знака «Запрещено».

В «Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г.» законодатель впервые подошел к отказу от самого понятия наказания, заменив термин «наказание» термином «меры социальной защиты». Первый блин оказался комом. Однако может когда-то все же реализуется забытое начинание и научимся изолировать от общества только действительно неисправимых? У имеющих потенциальные угрозы их будут предупреждать и устранять.

Давайте спокойно, непредвзято посмотрим на ст.49 Уголовного кодекса Украины (ст. 78 Уголовного кодекса Российской Федерации). Удивительное совпадение: сроки наказания за конкретные преступления совпадают со сроками давности, то есть сроками освобождения от ответственности, если преступник в силу каких-то причин своевременно не предстал пе-

² Любые платежи, даже если бы были адресными, не ликвидируют народнохозяйственные потери. Излишние затраты на охрану природы означают недовложение средств в обеспечение функционирования и развития субъекта хозяйствования, уменьшение его отчислений в бюджет на удовлетворение потребностей граждан.

ред судом и в дальнейшем не проявил асоциальность. Неужели никто не задумывается: а нужно было его сажать за решетку, если бы его вину своевременно установили? При любой системе критериев нельзя отрицать очевидный факт: после совершения преступления этот человек не представлял социальной опасности, он больше не совершал других преступлений. Требовалось для него принудительное исправление, нуждался ли он в специальной превенции? И кто знает, сколько таких людей при отсутствии разумной основы прошли через лагерь, продолжают по классическим канонам отбывать наказание сегодня?

Само понятие «давность» предполагает разрыв во времени между совершением преступления и выяснением вопроса об освобождении от наказания. Однако механический подход здесь недопустим. Коль в принципе существует возможность освобождения человека от ответственности в будущем, почему она широко не экстраполируется на настоящее? В крайнем случае, почему нельзя за первое деяние применять меры административной ответственности или условное наказание с испытательным сроком? Для контроля за поведением наказанного не использовать вживленные чипы? Теоретики уголовного права и законодатель обходят этот вопрос³.

Надеемся, читателям ясно, что все вышеизложенное укладывается в рамки уже относительно сложившихся представлений. Поэтому любые подобные предложения по совершенствованию правового регулирования – не более, чем частности. Понимаем, ознакомившись с дальнейшим изложением, оппоненты, а они будут, могут по-одесски спросить: «Я таки извиняюсь, но куда вас послали, что вы пришли именно сюда?». Однако, рискуя в очередной раз испортить отношения с замкнутым «рукопожатным» научным сообществом, не можем остановиться в попытках оспаривать учебники.

Отправной тезис: криминология станет полноценной наукой, если в основу ее метода исследования будут положены физика и другие технические отрасли знания. Они необходимы для уяснения окружающего Землю

³«В сознании наших граждан закрепился тезис о том, что преступник должен сидеть в тюрьме. При этом, как показывают социальные опросы, мало кто понимает, зачем нужно «гуманизировать» уголовное законодательство и в чем от этого польза. Если такое отношение к принципу гуманизма простых граждан можно списать на еще недостаточную развитость гражданского общества в нашей стране, на низкую правовую культуру, на высокие показатели преступности, но вот что делать с непосредственными правоприменителями – судьями – про которых сложно сказать, что у них низкая правовая культура или недостаточные познания в области юриспруденции, но которые почему то стремятся «упечь за решетку» за самое незначительное преступление» [13].

непознанного информационного пространства, названного некоторыми исследователями как биополе [12]. Разделяем мнение, что в нем во времени и пространстве сконцентрирована информация о значительной части совершаемых человеком деяний, прошедших через его сознание.

Мы привыкли строить право по чьему-то предписанию, в лучшем случае ссылаясь на признанные общие законы развития общества, которым якобы безоговорочно подчинен человек. Человеку – нормальному человеку, не мазохисту и не алармисту – свойственно инстинктивно не верить в непознанное, пытаться обойти все необычное, не вписывающееся в привычные рамки, решать проблему путем отказа от размышлений о нем. Наглядной общей иллюстрацией может служить былой анекдот времен СССР о споре верующего и атеиста о боге, ныне имеющий редакцию разговора пожилой бабушки и студента: А скажи, сынок, бывают ли чудеса? – Нет, не бывают. – Ну, вот мужик залазит на церковь, падает и ни одной царапины. Разве не чудо? – Просто везение. – Он второй раз залазит и снова падает, и снова ничего? – Это случайность. – Он в третий раз... – А это уже привычка.

Как парадокс, ученые не исключение, прячут голову не в песок, а даже под асфальт. И делают это систематически. Вспомним историю с Эйнштейном. Сто ведущих учёных мира написали письмо о своём несогласии с этой нелепой, возмутительной теорией относительности. Все они умерли, так и не приняв её и не захотев поверить доказательным экспериментам. А Французская академия наук в своё время отказалась принять к рассмотрению сообщения о метеоритах, потому что «камни с неба падать не могут». И той же академией было официально заявлено о невозможности создать летательный аппарат тяжелее воздуха. А фонограф Эдисона был объявлен шарлатанством – ведь все же знают, что звуки хранить невозможно. И один темпераментный учёный даже растоптал его ногами в ярости от наглого обмана.

К людям с необычными способностями всегда относились с осторожностью и даже ненавистью. Признаемся, авторы также много лет скептически относились к разного рода гадалкам, прорицателям, ясновидящим. Но со временем у каждого из нас накопилось множество примеров, в сумме заставивших поубавить былой скептицизм и попытаться найти, если не понимание, то хотя бы пути полезного применения столь необычного явления. Непонимание не повод для отрицания. Мы не видим и не слышим очень многого. Не слышим, к примеру, без технических средств дельфинов и летучих мышей, разговаривающих на частотах, нам недоступных, но такой язык общения существует и, рано или поздно, мы научимся его понимать. То же с ясновидящими.

Да, шарлатанов хватает, страсти накаляют якобы происходящие фальсификации в телевизионной программе «Битва экстрасенсов»⁴. Однако, не боясь «высоконаучного» осмеяния, можем признаться, что на протяжении многих лет неоднократно имели возможность убедиться в реализме этого феномена.

В Луганске в 80-е годы среди ночи пациентка стационара больницы подняла крик, вызывая врача. Она почувствовала, что в соседней палате умирает человек. Оказалось, что там действительно у мужчины случился инфаркт. После выздоровления следователи привлекли ее для помощи, и она способствовала раскрытию ряда тяжких преступлений. Всего авторам посчастливилось общаться с шестью высокоэффективными экстрасенсами.

Чтобы не быть голословным в оценке результативности экстрасенсов, приведем опубликованные примеры, подтвержденные ответственными работниками правоохранительных органов⁵. Так, в России экстрасенс по окровавленным наручным часам смогла определить место работы жертвы маньяка, труп которой считался неопознанным, а затем и место пребывания самого убийцы. По другому делу экстрасенс привела работников милиции в подвал жилого дома, где под листом ржавого железа маньяк спрятал тело изнасилованного и задушенного шестилетнего мальчика. В этот момент на место преступления пришел убийца и был тут же задержан [14].

Не обделена экстрасенсами и Украина. В Сумах практиковала женщина, которая всем, кто приходит на прием, сразу заявляла: «Имен своих не называйте! Что с вами случилось, не говорите! Я и сама все знаю. А лишняя информация работать мешает». И действительно рассказывала про все беды своего клиента. Кроме того, называла его имя, фамилию и дату рождения. К этому экстрасенсу приезжали правоохранители из Москвы. «Я даже не знаю, о каком деле идет речь, когда с ними работаю. Мне приносят на стеклянной пластинке капельку крови, а я говорю им, что увидела...» [15].

Телевизионный канал Discovery периодически транслирует передачи об экстрасенсах, оказывающих реальную практическую помощь полиции США и Великобритании. В Киеве, в украинском теле-шоу «Феномен» вы-

⁴Можно по разному относиться к личности Кашпиоровского, но бесспорен неприятный факт: после трансляции телевидением его сеансов массового «лечения» на стадионах детские клиники Москвы были забиты детьми с психическими расстройствами. Излучение неблагоприятное, но оно есть.

⁵ В советское время единственная позитивная публикация о работе зарубежных экстрасенсов была сделана в издании Прокуратуры СССР с грифом «Для служебного пользования».

ступал американец Николас Кин. Когда ему было 14 лет, им заинтересовались военные: мальчик указывал места, где оставались послевоенные мины. Мог легко определить, врет человек или нет. Его отец-адвокат использовал способности сына в работе с подследственными и оправдал десятки людей.

Столь подробно говорим об экстрасенсах, чтобы в очередной раз констатировать: в материальном мире, наряду с научно регистрируемыми видами, существует непознанная пока информация, излучаемая каждым человеком, но регистрируемая лишь избранными. В плане криминологии чрезвычайно важно, что эта информация относится не только к настоящему и прошлому, но и обращена в будущее. Более того, есть основания полагать, что будущее каждого человека запрограммировано. Один из самых выдающихся ясновидцев XIX в. Хейро утверждал, что на ладони новорожденного, прожившего на земле один час, уже имеются линии, по которым можно судить о его будущем. Явление нашло отражение в народных поверьях и пословицах: «На роду написано», «Кому суждено быть повешенным, тот не утонет»⁶ и др. Не вдаваясь в теологию, обратимся к конкретным примерам, свидетельствующим о феномене ясновидения.

Ученые самых различных профилей до сих пор не могут дать внятного толкования невероятным «совпадениям», имеющим место в предсказаниях ясновидящих. Но, тем не менее, отрицать существование такого явления официальная наука уже давно перестала. Никуда не денешься от неопровержимых фактов рассказа ясновидящими о прошлом и предсказания будущего отдельных людей. Может и нам пора отказаться от чересчур скептического взгляда на мир? Тем более что пророчества, сделанные некоторыми лицами, и в самом деле имеют нехорошую привычку сбываться.

Классический пример: известная в Петербурге ясновидящая Киргоф предсказала Пушкину, что он прославится и будет кумиром соотечественников, дважды подвергнется ссылке и проживет долго, если на 37-м году возраста не случится с ним какой беды от белой лошади, или белой головы, или белого человека, которых и должен он опасаться. Пушкин скептически

⁶ В России, возможно, наиболее известным фаталистом является барон Унгерн. Судьба хранила его в самых отчаянных схватках. После одного из боев с китайцами, в седле, седельных сумках, сбруе, халате и сапогах Унгерна нашли следы от семидесяти пуль, но он не был даже ранен. Тибетские монахи предсказали ему дату смерти. Незадолго до не он был пленен красноармейцами. В плену барон дважды пытался покончить жизнь самоубийством. Но судьба воспротивилась этому. Ампула с ядом, которая неизменно находилась при нем, непонятным образом запропастилась. А когда со связанными руками он попытался удавиться конским поводом, тот оказался слишком короток. По приговору суда он был расстрелян в предсказанный день.

отнесся к предсказанию. Но буквально в считанные дни сбылся одновременно сделанный прогноз на ближайшую перспективу: он получил от лицейского товарища Корсакова давно забытый карточный долг, генерал Орлов предложил другу записаться к нему в полк. Вскоре за вольные стишки загремел Пушкин в ссылку на юг. Потом грянула вторая ссылка.

Поверив в предсказание, Пушкин панически опасался высоких блондинов⁷, но уберечься от судьбы не смог: Дантес соответствовал нарисованному Киргоф портрету.

Показательны случаи с однойцовыми близнецами, живущими раздельно, особенно когда они разлучены в детстве и живут далеко друг от друга, а значит, получают разное воспитание и разные стартовые условия. Было бы преувеличением утверждать, что их судьбы сходны во всем. Но разного рода сходств зарегистрировано так много, что это идет вразрез с научными представлениями о причинно-следственных связях и статистике.

В Интернете можно найти показательные примеры. Так, близнецы Дафни Гудшип и Барбара Герберт, разлученные в детстве, после 39 лет разлуки пришли на первую встречу одетыми в одинаковые платья бежевого цвета и бархатные жакеты, чему удивились обе. Судьбы также оказались сходными. Обе в 15-летнем возрасте падали с лестницы и получили перелом костей. В 16 лет обе познакомились с будущими мужьями. У обеих сначала был выкидыш, затем обе родили последовательно по дочери и по двое сыновей.

Близнецы Джеймс Льюис и Джеймс Спрингс были разлучены в младенчестве из-за развода. Познакомившись лишь через 39 лет после разлуки, они обнаружили массу необъяснимых совпадений. Вот лишь часть из них: водили автомобиль одной марки, одной модели и одного цвета; имели собак одной породы; клички тоже оказались одинаковыми – Той; любили отдыхать в одном и том же курортном городке; к моменту встречи оба состояли во втором браке; у обоих первую жену звали Линда, вторую – Бэтти.

В США в один день были зарегистрированы два идентичных преступления: за тысячи километров друг от друга в разных штатах были одинаковым образом одновременно взломаны сейфы. Отпечатки пальцев в обоих местах преступлений совпали. Когда взломщиков поймали, ими оказались однойцевые близнецы, разлучённые в детстве и не знавшие о существовании друг друга⁸.

Подобных примеров много. Дико! Невероятно! Но основания для осознания определенной ограниченности свободы воли человека есть, от них никуда не уйти. Преступление может быть запрограммировано.

⁷ По рассказам друзей он даже отказался одному хорошему белокурому знакомому подержать лестницу – боялся, что тот на него упадет и расшибёт.

⁸ У однойцовых близнецов пальцевые отпечатки идентичны.

Вопрос: в состоянии ли здравомыслящий человек преодолеть внешнее влияние?

В период перестройки по инициативе одного из авторов в Луганском онкологическом диспансере была подвергнута своего рода экспертизе авторитетных специалистов женщина-экстрасенс. Она показала способности точно диагностировать не только злокачественные опухоли, но и метастазы. Пораженные итогом, эксперты – врачи изъявили желание стать испытуемыми по общей заболеваемости. Результат стопроцентный. Пригласили других сотрудников онкодиспансера. И здесь наступил шок.

Исследование проводилось следующим образом. Испытуемый заходил в кабинет, молча раздевался до пояса, экстрасенс 1-2 минуты водила ладонями рук по его телу. Затем он выходил и звучал диагноз. После обследования одного врача, экстрасенс несколько смущенно заявила: «Он абсолютно здоров, но у него плохой характер». Последовал взрыв хохота экспертов – диагноз был абсолютно точен. Эксперимент проводился еще раз в другой больнице с аналогичным результатом. Характер, как оказалось, субстанция не идеальная, поддастся измерению. (Несмотря на публикацию об эксперименте, большая наука им не заинтересовалась).

В Интернете есть сайт «Экстрасенсы лечат». Сеанс Александра (не Аллана) Чумака длится считанные минуты. Врачи поделились с нами информацией: после его сеансов у прошедших операцию в полости носа наступает заметное улучшение состояния. Не будем обсуждать, лечит Чумака, или не лечит? Важно, его посылы технически зафиксированы, транслируются без его дальнейшего присутствия на студии. Следовательно, есть возможность исследовать их природу столь же техническими средствами. Если удастся эту проблему из спекулятивной перевести в научную, и постепенно, по крупицам её исследовать, уверены, получим удивительные результаты. За работу, товарищи криминологи-физики!

Криминологам, философам, политикам, законодателям, всей общественности надо делать соответствующие выводы. Как заметил почти сто лет тому Н.Н. Алексеев, «велико будет удивление, а может, даже ужас, когда во всей исторической наготе предстанет перед человеком все то, чему, в конце концов, служит созданное им историческое право...» [16]. Нужна иная философия и ее осознание. Надо отказаться от идеологии, в которой уголовная ответственность – это кара (возмездие), наказание. Надо рассматривать ее как четко определенную меру социальной защиты от тех, кто в силу специфических (в том числе биологических) особенностей нуждается в исправлении (реабилитации). Общая и специальная превенция – самостоятельная задача, решаемая комплексом всех отраслей права. Под эти углом

требуется в корне пересмотреть разбухший уголовный кодекс, сократив до минимума перечень содержащихся в нем норм.

Список использованных источников:

1. Гишинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е издание, переработанное и дополненное. СПб: Алеф-Пресс, 2014.
2. Мишин М. Период полураспада. 1991.
3. Еникеев З.Д. Механизм уголовного преследования. Уфа, 2002.
4. Schmallegger F. Criminology today. An integrative introduction. Upper Saddle River, N.J. Prentice Hall, 2002.
5. Шульгин В. Опыт Ленина // Наш современник. – 1997. - № 11.
6. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. С.7; Долгова А.И. Личность преступника и её криминологическое изучение. Под редакцией профессора А.И. Долговой. М., Российская криминологическая ассоциация, 2018.
7. Кузьмин Р. Технология оговоров. Диффамация как средство незаконного влияния на суд и следствие в уголовном процессе Украины // Закон и бизнес. 2013. - № 11.
8. Информационный ресурс «ECHR.Ukrainian Aspect».
9. Коротич В. Выбор между полной и пустой рюмкой. "БУЛЬВАР ГОРДОНА", №36 (696). 2018.
10. Таганцев Н.С. Курс уголовного права. С-Петербург, 1902 г.
11. Розовский Б.Г. Купите изменение в законе! / Экономіка та право. №2. - С. 144-152. К.2015. Розовский Б.Г. Купите изменение в законе! // Аграрное и земельное право. М. 2015. - №6 (126).
12. Впервые термин «биополе» использован А. Гурвичем в его книге «Теория биологического поля» (Советская наука, 1944).
13. Рахимжанова Г.М. Социально-правовая природа альтернативных наказаний. Вестник Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева: 2010.
14. Аргументы и факты в Украине. – 2010. – № 12.
15. Золотухина И. На страже закона – ведьмы и экстрасенсы. / «Сегодня». № 49 (3473). 04.03.2010.
16. Алексеев Н.Н. Основы философии права / Н.Н. Алексеев. – СПб. : Лань, 1999.